

- Ах, отец, ты не должен больше говорить... - прежде чем кто-либо еще успел что-то сказать, Хуан Сигоу жалобно закричал. Разве этими словами отец не толкает его с края пропасти?

- Хмф, если бы вы приняли это решение давным-давно, ваш сын не пошел бы по неправильному пути! - недовольно сказал один из старейшин, ненавидя тот факт, что железо не может стать сталью*. Теперь уже слишком поздно устраивать представление.

(ПП:разочарование, что кто-то не оправдал надежд)

- Раз дядя Хуан хочет это услышать, тогда давайте тоже послушаем, что Хуан Сигоу делал посреди ночи, - староста Ли никак не мог привыкнуть к поведению этих двух супругов. К счастью, мальчик Фэн и другие притащили мужчину ночью, так что староста сразу же заставил его подписать признание. Конечно, не обошлось без помощи Ли Фэна и некоторого давления со стороны доктора Ху.

Староста Ли достал признание, подписанное Хуаном Сигоу, и передал ее молодому человеку, который был обучен грамоте, и попросил его зачитать это вслух.

Хуан Сигоу сам признался, что хотел проникнуть в дом посреди ночи и попытаться украсть денег. Он слышал от других, что Тан Чунмин крупно зарабатывает на ресторане «Цзиньци» и часто имел деньги на руках. Он был уверен, что ге-эр, у которого нет возможности сопротивляться, послушно передаст деньги, когда придет время.

Но прежде, чем он успел войти в дом, его лягнула лошадь и сломала ему ногу. Затем собака укусила его за ягодицы.

Лицо отца Хуана меняло цвет с синего на красный, и он уже не знал, что сказать, не в силах поднять голову. В отличие от своего супруга, у которого не было стыда, он не мог взять свои слова обратно. Он даже не осмеливался взглянуть на лица остальных, они, наверное, смеются над ним.

Старик Хуан повернулся и встал. Увидел у основания стены палку, он подбежал и схватил ее в руки, с ненавистью проговорив:

- Мне не нужно, чтобы деревня что-то делала. Сегодня я сломаю этому ублюдку и вторую ногу, чтобы он больше никогда не смог выйти на улицу и сделать что-нибудь плохое!

Но его супруг не мог допустить, чтобы его драгоценного сына избили. Увидев, что его собственный муж схватился за палку и собирается подойти и ударить его сына, он перестал плакать, вскочил и набросился на него.

Он сердито выругался:

- Не смей бить моего сына! Сигоу уже сломали одну ногу. Если ты сломаешь ему вторую ногу, сможет ли он вообще выжить? Бедный мой сын, мой единственный оставшийся ребенок. Если бы твои братья выжили, мы бы не оказались в такой ситуации. Если ты побьешь моего сына, я буду драться с тобой до смерти. Я все равно не хочу жить без своего сына!

Сумасшедшая мать бросилась к отцу Хуану и принялся отчаянно царапать своего мужа ногтями. В руках у отца Хуана была палка, но он не мог использовать ее против собственного супруга, поэтому вскоре он оказался в невыгодном положении. За короткое время его лицо и шея покрылись кровью от ногтей.

Двое мужчин боролись на земле, поднимая клубы пыли. Их маленький внук был отброшен в сторону и хныкал от страха, как кошка.

На лбу каждого из старейшин клана пульсировали вены. Им было стыдно видеть такое унижение на глазах у всей деревни. Староста был так зол, что взял что-то и разбил.

Он сердито сказал:

- Если вы хотите драться, идите к себе домой и деритесь. Нас не касается, если вы убьете или покалечите друг друга. Что до Хуана Сигоу, то его следует отправить прямо в ямен. В любом случае вы оба не хотите наказывать его и не можете заниматься его воспитанием.

Каждый, кто был хорошо знаком с этой семьей, знал, что они просто пытались заставить деревню помягче обойтись с Хуаном Сигоу. Если бы отец Хуан действительно хотел избить своего сына, разве мог бы его супруг так просто остановить его? Просто зная, что его супруг его остановит, он вел себя так напоказ, чтобы это увидели другие и никто не мог обвинить его в бездействии. В конце концов, все бы оставили этот вопрос без решения и это было бы лучшим выходом для семьи Хуан.

При этой угрозе оба человека прекратили борьбу. Сидя на земле в подавленном состоянии, мать Хуан заплакал и сказал:

- Нельзя так издеваться над людьми. Сигоу, скажи своей матери, они заставили тебя написать признание? Его сердце просто сбилось с пути, увидев, как кто-то другой зарабатывает деньги. Кто виноват, что моя семья слишком бедна, чтобы платить за все. Все, что мы говорим, не имеет значения. Я даже не могу оставить своего последнего сына, в то время как есть и те, кто сам не отличается порядочностью. Если бы не это, зачем бы мой сын пошел к нему домой? Он сам бессовестный ге-эр, которого изгнала семья Чжао...

Хуан Сигоу свернулся калачиком на земле, закрыв лицо. Кроме случайных громких стонов, он молчал и позволял собственной матери защищать его. Но вместо того, чтобы сказать, что его сын вел себя плохо, Хуан Фулан вылил на Тан Чунмина ведро грязной воды.

Будь это правдой, то разве Тан Чунмин не утонул бы в плевках деревенских жителей? Люди во

дворе смотрели на семью Хуан, обливавшую грязью других, как на идиотов. Их попытка сделать черное белым не удалась.

Бах! Громкий взрыв заглушил плач и вой матери Хуан. Табурет, на котором до этого сидел мужчина, внезапно разлетелся на куски, заставив многих людей отступить и открыть того, кто стоял позади.

Ли Фэн, свирепый убийца!

Глядя на обломки на земле, даже старосте Ли захотелось похлопать себя по груди. Он не успел толком рассмотреть, как мальчику Фэну удалось разбить на куски прочный табурет. Но в душе он не испытывал симпатии к матери Хуан. Он заслужил это! Ему также был ненавистен тот факт, что Мин ге-эра так оклеветали. Хотя он не одобрял то, что Ли Фэн хотел заполучить брата Мина, но он знал, что если бы у брата Мина не было ребенка, который его сдерживал, он был бы идеальной парой.

И он точно знал, что происходит между ним и мальчиком Фэном, было очевидно, что мальчик Фэн первым в какой-то момент увлекся Мин ге-эром, так как с тех пор, как он отделился от семьи Чжао, он вообще редко выходил из дома.

Свирепый убийца Ли Фэн приближался шаг за шагом. Видя, что ситуация складывается не лучшим образом, Хуан Сигоу тайно выглянул. Он так испугался, что описался. Его мать был так потрясен, что его глаза едва не выпали из орбит. Он пытался спрятаться, но бежать было некуда, так что он дрожащим голосом забормотал:

- Что ты... хочешь сделать... староста Ли и старейшины клана здесь ...

Враждебная аура Ли Фэна заставила отшатнуться даже старейшин кланов. Остальные жители деревни не могли не отступить от него, сказав себе: в будущем я никогда не должен связываться с этим свирепым человеком, Ли Фэном. То, что сказал его дядя, правильно. Пусть Мин ге-эр забирает его.

- Староста Ли, все старейшины. Я хотел проявить милосердие к нашей деревне и позволить этому вопросу быть рассмотренным на месте. Но кое-кто заставляет меня поступить жестко. Я отведу его в магистрат и спрошу, какой приговор должен быть за кражу посреди ночи. Что касается его ноги - я сделаю это от имени семьи Хуан.

С этими словами он наступил на неповрежденную ногу Хуана Сигоу. Послышался щелчок и Хуан Сигоу с криком скатился с доски и упал на землю.

Убийца сломал ему вторую ногу!

Видя, что отец Хуан хочет выйти вперед и что-то сказать Ли Фэн одарил его холодным

взглядом и велел остановиться:

- Если ты не можешь сделать это, я сделаю это вместо тебя. Можешь пойти в ямен и подать на меня жалобу!

Отец Хуан не мог вымолвить ни слова. Хуан Фулан хотел повторить то же самое, но был так напуган, что не переставал дрожать.

Двор перед домом старосты уже был переполнен людьми. Некоторые ожидали, что семья Хуан устроит сцену и хотели бы посмотреть шоу, а затем время от времени усугублять ситуацию, так что Тан Чунмину не останется никакой возможности жить в деревне. Но, став свидетелями этой сцены, они были удивлены. А увидев холодный взгляд Ли Фэна, который он бросил за пределы двора, некоторые из них почувствовали слабость. Думая, что их мысли были обнаружены, они не решились оставаться дольше и молча сбежали.

Тан Чуньжун также был ошеломлен тактикой своего будущего зятя. Хотя, с одной стороны, он беспокоился о том, не будут ли с его братом так обращаться в будущем, но с другой стороны, он чувствовал, что действия Ли Фэна были очень успешными. Это был хороший способ справиться с такими неразумными и упрямыми людьми.

Тан Чуньжун вышел вперед, поклонился старосте и старейшинам клана и сказал:

- У меня такое же отношение, как и у брата Ли Фэна. Изначально, из-за того, что деревню Пиншань и деревню Чжэньшань разделяет всего одна деревня, я не хотел усложнять ситуацию и планировал уладить этот вопрос в частном порядке. Я не ожидал этого... - указав пальцем на супруга семьи Хуан, он даже не мог произнести непристойные слова. В конце концов, он сам покраснел и сказал. - Он не только не проанализировал свои собственные ошибки, но и обливает грязной водой других. Он пытается принудить моего брата к смерти. Если это так, я предоставлю властям разбираться с ним. Это проступок самого полуночного вора или то, что чья-то семья заработала небольшую сумму денег, стало намеренным приглашением кого-то стать вором и совершить ошибку? Возможно ли, что в будущем богатые люди в деревне и крупные семьи в городе должны сначала посмотреть на себя, прежде чем зарабатывать такие деньги?

Тан Чуньжун был в ярости. Если бы его брат был таким же мягким, как раньше, и эти слухи дошли до него, это действительно могло довести его до смерти. Как представитель семьи Тан и младший брат, он должен добиваться справедливости для своего брата, несмотря на свой юный возраст.

Сельчане внутри и снаружи двора внезапно зашумели от возбуждения. Они чувствовали, что молодой человек был прав. В этой деревне были и относительно обеспеченные люди и нельзя сказать, что их дворы никогда не посещались Хуаном Сигоу, который крал кур и собак. Но даже если его и ловили на краже, они не могли добиться справедливости, когда Хуан Фулан поднимал шум. Им приходилось оставлять это дело в покое и отпускать его, стараясь в будущем внимательнее следить за своим имуществом.

Находились и те, кто говорил, что семья Хуан была бедной и жалкой, а вы богаты, поэтому нужно просто закрыть на это глаза и считать, что прощение - это доброе дело. Поэтому люди, которым Хуан Сигоу причинил вред, были действительно злы. Получается, что они сами виноваты в том, что живут хорошей жизнью? Это действительно возмутительно! Но Хуан Фулан целыми днями плакался о своей бедности, и они не могли его избить, поэтому им приходилось держать свой гнев при себе.

Теперь, когда кто-то сказал это вслух, они не могли не хлопнуть в ладоши и не кричать «да». В конце концов, молодой человек учился в школе и это успокаивало сердце. Почему они не подумали об этом раньше? Ведь те, кто читает книги, знают, о чем говорят.

Староста Ли и старейшины клана посмотрели друг на друга и горько улыбнулись. Это было очень серьезное заявление, которое затронуло их сердца. С семьей Хуан нужно было разобраться, иначе кто из богатых людей осмелится остаться в деревне? Кто захочет дать остальным деревенским семьям заработать? Если от этих смутьянов не избавиться, это охладит сердца других людей.

- Позвольте мне сказать слово, - дядя Чжао Лю, который никогда не высказывался по деревенским вопросам, в этот раз вышел вперед. - Что за человек Тан Фулан? Кроме тех, кто завидует, кто может сказать о нем что-то плохое? Он сделал себе состояние, но никому не мешал. Я купил у него рассаду овощей и каждый день отвожу их на продажу в город. Благодаря ему я заработал немного денег. Спросите себя, кто готов рассказать другим о своих источниках заработка? Разве мало Тан Фулану зайти так далеко? Неужели наша деревня Пиншань хочет выгнать Тан Фулана из деревни из-за таких людей, которые не могут отличить добро от зла, и лишит всех нас денег?

- Дядя Чжао Лю, вы действительно заработали деньги? Сможем ли мы в будущем получить рассаду овощей у Тан Фулана? - кто-то за пределами двора сразу же повысил голос и спросил.

Ли Фэн и Тан Чуньжун посмотрели друг на друга, и Ли Фэн, который умерил свою враждебность, ответил от имени дяди Чжао Лю:

- Брат Мин никогда никому не отказывал в покупке, но тем, кто хочет получить рассаду овощей бесплатно, не стоит подходить к его двери.

- Неужели никто в деревне не знает, зарабатываю я деньги или нет? Вы не видели меня продающим овощи в городе? - также продолжил дядя Чжао Лю.

Голоса внутри и снаружи двора становились все громче. Естественно, были люди, которые видели его. Более того, это видели и те, кто вместе с ним ходил продавать овощи на рынок города. Цены на овощи Чжао Лю были не только выше, чем у них, они также продавались очень быстро. Его даже ждали на рынке, и в мгновение ока раскупали все его овощи.

В последние несколько дней некоторые люди заметили, что его внук одет лучше, чем раньше, а на лице его сына, которое всегда было честным и горьким, тоже играла улыбка. Трудно было

поверить, что он не зарабатывал деньги.

Некоторые люди жалели, что им не следовало слушать тех сплетников, которые говорили глупости, утверждая, что сердце Мин ге-эра ушло в деньги, и он пытается зарабатывать деньги в своей же деревне за свою никчемную овощную рассаду. В то время они считали, что так и должно быть, и с таким же успехом он мог отдать им лишнюю выращенную им рассаду бесплатно. Даже скупые говорили что-то за его спиной. Поэтому они все остановились и стали ждать, что будут делать другие семьи. Увидев, что некоторые семьи, близкие к брату Мину, заработали деньги, они были в ярости и сожалели, что доверились не тому человеку.

Они даже не подозревали, что Мин ге-эр не задумывался о том, что они делали и говорили раньше, и они снова смогут купить у него рассаду овощей. Видя, что посевы на его поле также растут лучше, чем у других, и урожай ожидается выше, они все хотели получить немного семян у Мин ге-эра. Но тогда им придется поступить справедливо по отношению к семье Мин. Если они все еще хотят зарабатывать деньги вместе с ним, они ни в коем случае не могли его выгнать.

Поэтому все смотрели на трех членов семьи Хуан еще более неблагоприятно. Кто осмелится разбогатеть в будущем с таким ублюдком, как Хуан Сигоу?

- Дядя Чжао Лю прав. За все эти годы Хуан Сигоу не сделал ничего правильного. Хуан Фулан оказал на него дурное влияние своим потаканием!

- Молодой человек семьи Тан еще более прав. С такой семьей в деревне никто не может жить в мире. Их давно надо было выкинуть.

- Да, семья Хуан совершила столько неэтичных поступков, разве они не боятся возмездия? Когда хороший ге-эр вышел замуж в семью Хуан, он в конце концов был убит ими.

- Староста Ли, старейшины клана, мы больше не можем их щадить. Мы не можем позволить себе иметь семью, которая портит репутацию деревни. Кто в будущем осмелится породниться с нашей деревней?

Голоса, осуждающие семью Хуан, становились все громче и громче. Некоторые люди плевали прямо в них, а дядя Чжао Лю уже давно отступил в заднюю часть с самодовольной улыбкой на лице. Он намеренно провоцировал всеобщие эмоции. Кто-то уже спрашивал его о том, как его семья продает овощи, и он тоже спросил Мин ге-эра, продаст ли он саженцы, если кто-то придет купить их снова. И Мин ге-эр сказал, что продаст их любому, кто заплатит. Именно поэтому он вышел вперед, чтобы сказать об этом.

Добрый человек заслуживает хорошей награды, а злой человек заслуживает наказания!
Когда он подумал о тех людях из семьи Чжао, глаза дяди Чжао Лю снова потемнели.

Члены семьи Хуан были ошеломлены. Они не ожидали, что сразу станут объектом осуждения

всех односельчан, и что их изгонят из деревни. Как это возможно?! Как они смогут выжить, если покинут деревню? В этот момент Хуан Фулан подумал о своем маленьком внуке и поспешно обнял малыша, который плакал в углу.

- Вы собираетесь обречь нашу семью на смерть? Пожалейте моего маленького внука, он и так остался без матери! Неужели вы так жестоки, что хотите смотреть, как умирает мой бедный маленький внук?

- При чем тут ваш внук? Кто в деревне не знает, как вы обращаетесь с собственным внуком? Если бы у вас было сердце, стали бы вы так плохо воспитывать своих детей? Вы сами испортили своего сына и еще обвиняете других!

Теперь ни у кого не было доброго слова для семьи Хуан и кто-то сразу же указал на это.

Когда супруг Хуана Сигоу умер во время родов, то муж считал его невезучим. Ему даже не понравился новорожденный ребенок. Более того, этот маленький внук даже не был мальчиком, он был маленьким ге-эром и семья Хуан невзлюбила ребенка. Хорошо, что он вообще выжил в таком доме. Все видели, как они только что обращались с маленьким внуком, а теперь пытаются вылезти из ямы за его счет.

- Вы... - Хуан Фулан с трудом перевел дыхание и быстро заставил ребенка опуститься на колени, прижал его голову и сказал. - Скорее, умоляй своих дядей, бабушек и дедушек отпустить твоего отца. Твой отец знает, что он не прав и никогда не осмелится сделать это снова...

Ребенок был так напуган, что закричал. Некоторые из мягкосердечных людей не могли смотреть на них и отворачивали головы. Но они не хотели отпускать семью Хуан, поэтому все посмотрели на старосту и старейшин клана.

- Ты - проклятое отродье, что ты реवेशь, это все потому, что ты - звезда неудачи, рожденный, чтобы убить свою мать... - выругался Хуан Фулан, одновременно зажав ребенку рот. Он так напугал его, что малыш подавил крик, захлебнувшись икотой.

- Достаточно! - староста был в ярости. - Почему ты бьешь ребенка? Почему вы не смогли хорошо обучить своего собственного сына, если у вас есть такие способности? В прошлый раз вам сказали, что если ваш сын еще раз сделает что-нибудь плохое, он уйдет из деревни. Теперь возьмите своего сына и уходите. Вам не рады в деревне Пиншань!

- Что?! - закричал Хуан Фулан.

Отец Хуан был совершенно обескуражен, он тупо сидел на земле и не реагировал. Хуан Сигоу в недоумении озирался вокруг.

Ли Фэн был относительно доволен результатом. Хотя он хотел бы, чтобы этого человека бросили в тюрьму, но он не мог просто проигнорировать деревенского старосту. Кроме того, как только эти люди покинут деревню, он никогда больше не позволит им появиться перед глазами брата Мина.

Хотя Тан Чуньжун немного смягчился при виде маленького ребенка, он не мог ради него позволить человеку, который причинил вред его брату, остаться в деревне. Кто знает, что еще они могут сделать и что может случиться, если они снова устроят неприятности перед его братом? Он не осмеливался даже думать об этом. Его брат сейчас беременен, если с ним что-то случится, это означало бы потерять две жизни. Поэтому ему пришлось отвести глаза и быть безжалостным.

Ли Дашань похлопал Тан Чуньжуна по плечу. Это правильное решение. Если попытаться посочувствовать семье Хуан в это время, вы только позволите им залезть на голову.

Сколько бы семья Хуан ни просила и ни плакала, даже старейшины деревни на этот раз не захотели за них просить. Кроме того, семья Хуан еще в прошлый раз обещала покинуть деревню, если что-то снова пойдет не так. И они должны радоваться, что с Тан Фуланом ничего не случилось, иначе Ли Фэн не отпустил бы их так легко.

Третий старейшина семьи Чжао, который всегда имел хорошую репутацию, на этот раз даже не пришел. Только потому, что староста Ли не согласился ехать в город и выступить от имени семьи Чжао, третий старейшина решил встать в позу: если вам что-то понадобится, тогда вы должны попросить меня сделать это. Если староста захочет, чтобы семья Чжао что-то сделала, тогда ему придется выступить от их имени. Сейчас семья Чжао была вынуждена скрываться от семьи Шэнь, и те уже не раз приходили, чтобы разгромить их дом.

Семья Хуан не хотела уезжать и старосте Ли пришлось лично проследить за этим. Что касается ноги Хуана Сигоу, сломанной Ли Фэном, семья Хуан все еще хотела устроить сцену по этому поводу, но Ли Фэн просто молча подошел к Хуану Сигоу. Тот был так напуган, что попытался отступить и молил о пощаде. Сломанная нога снова щелкнула и Хуан Сигоу от боли почти потерял сознание.

В заключение Ли Фэн пригрозил:

- Если я увижу тебя снова, в следующий раз просто оторву обе руки!

Семью Хуан выгнали из деревни Пиншань, но на этом дело не закончилось.

Староста Ли подозвал к себе мужа Чжана Ланьхуа и рассказал ему о роли его супруга в этом деле. Оказалось, что, согласно признанию Хуана Сигоу, его побудил к этому Чжан Ланьхуа.

Этот Хуан Сигоу всегда жаждал Чжана Ланьхуа и хотел найти возможность подлизаться к нему. Но муж Чжана Ланьхуа был ревнивцем и не мог видеть, как он заводит отношения с другими мужчинами. Узнав о каждой встрече, он избивал его. Если в прошлом Чжан Ланьхуа все еще думал о Хуане Сигоу, то теперь он видел, что тот становится все более и более придурковатым. Даже его внешность, которая раньше была приемлемой, стала сутулой и непристойной из-за его характера. Мысли Чжана Ланьхуа уже давно улетучились и он избегал Хуана Сигоу каждый раз, когда тот пытался приставать к нему.

Но чем больше он прятался, тем наглее становился Хуан Сигоу. Когда он видел белое лицо Чжана Ланьхуа, он испытывал зуд и всегда угрожал тем, что случилось раньше. Чжан Ланьхуа не только потерял всю ту легкую привязанность, которую испытывал к нему, но и возненавидел этого негодяя. Он знал, что его муж всегда помнил о случившемся. После очередной взбучки от мужа он был полон решимости раз и навсегда уладить дело с Хуаном Сигоу.

В последний раз, когда Чжан Сю напомнил ему о его встрече с Хуаном Сигоу, Чжан Ланьхуа был в сложном настроении. Он думал, что Чжан Сю что-то узнал, и не только затаил злобу на Чжан Сю, но и на Тан Чунмина, виновника инцидента.

Тан Чунмин становился все более и более счастливым, от горестей вдовствующего неудачника не осталось и следа. В кратчайшие сроки он сошелся с богатым мужчиной, который еще ни разу не был женат.

Хотя снаружи ходило много сплетен, Чжан Ланьхуа действительно слышал, что Ли Фэн, несмотря на его свирепое лицо, был человеком, который любил своего ге-эра. Чжан Ланьхуа задумался о своей ситуации. Из двух человек, которых он встретил, один был негодяем и землеройкой, а другой часто бил его так, что он не мог встать с постели. Как Тан Чунмин мог жить лучше, чем он сам? Когда-то он, Чжан Ланьхуа, был самым выдающимся ге-эром в деревне.

На самом деле для зависти не было никаких причин, но чем больше он слышал о том, как преуспел Тан Чунмин, тем больше ему хотелось его погубить. Поэтому, когда Хуан Сигоу снова обратился к нему, он подал Хуану Сигоу идею убить двух или даже трех зайцев одним выстрелом. Он указал Хуану Сигоу четкий путь, по которому нужно следовать. Если Хуан Сигоу поступит так, ему не только не придется беспокоиться о том, что у него нет ге-эра, чтобы жениться, но он также сможет получить деньги просто так.

Хуан Сигоу должен был забраться в дом Тан Чунмина посреди ночи и заставить его заняться с ним сексом. В любом случае Тан Чунмин и Ли Фэн пока официально не помолвлены, и независимо от того, что говорят посторонние, это не так хорошо, как собственное признание Тан Чунмина.

К тому времени Тан Чунмину придется подчиниться Хуану Сигоу, сварливому и наглому человеку. Таким образом, Чжан Ланьхуа устранил угрозу Хуана Сигоу, более того, он мог бы получить от него секрет состояния Тан Чунмина. Что касается того, выживет ли Тан Чунмин после такого принуждения, или умрет, то какое это имеет значение для Чжана Ланьхуа?

Для того чтобы Хуан Сигоу мог действовать спокойно, он также рассказал ему о ситуации во дворе Тан Чунмина. Как Чжан Ланьхуа мог быть так уверен? В тот день, когда Ли Фэн купил жеребенка, многие люди последовали за ним во двор, чтобы посмотреть, что происходит. Среди них был и Чжан Ланьхуа. Вид двух процветающих дворов вызвал у него еще большую зависть.

Когда Чжан Ланьхуа призвал его к этому, Хуан Сигоу забыл о своем страхе перед Ли Фэном. Ли Фэн был ничем по сравнению с неисчерпаемым серебром. Кроме того, он войдет во двор Тан Чунмина посреди ночи. Если Тан Чунмин откажется признать свои отношения с ним, то никак не сможет остаться в деревне. Он думал так же, как и Чжан Ланьхуа, что любой ге-эр в такой ситуации будет вынужден подчиниться из-за своей репутации.

И тогда Ли Фэну, убийце, которого он ограбит, ничего не останется, как уйти.

Они думали, что это, несомненно, надежная возможность. Но неудачи преследовали Хуана Сигоу с того момента, как он спрыгнул во двор, что также показало ему истинную свирепость убийцы Ли Фэна. Будь у него другой шанс, он бы никогда не послушался Чжана Ланьхуа и не стал бы связываться с этим свирепым человеком.

Описанная выше ситуация была результатом допроса со стороны старосты Ли и Ли Фэна. Тан Чуньжун был так зол, что даже ему, ученому, пришла в голову мысль об убийстве. Он хотел арестовать и Чжана Ланьхуа, но староста Ли остановил его и убедил, что этот вопрос не должен быть решен таким образом, иначе репутация Тан Чунмина пострадает. Было бы лучше наказать Хуана Сигоу за попытку кражи, а не за изнасилование.

Что касается Чжана Ланьхуа, то такого злобного ге-эра, конечно же, нельзя было пощадить. Как только дело будет передано его мужу, Чжан Ланьхуа не увидит ничего хорошего.

Если говорить о желании убить кого-то, боюсь, никто не смог бы победить Ли Фэна. Он только подумал, что Хуан Сигоу охотится за деньгами, но даже представить не мог, что ему захочется получить и деньги, и ге-эра. Всякий раз, когда он думал о том, что могло случиться с братом Мином, ему хотелось разрезать Хуана Сигоу на тысячу кусков.

Но, как советовали ему староста Ли и Шэнь Фулан, ради репутации брата Мина лучше не предавать это огласке. Даже если бы это произошло, Хуан Сигоу не был бы наказан за это. Вместо этого он утянул бы брата Мина на дно.

Ли Фэн предпочел бы иметь репутацию убийцы, лишь бы брат Мин не был замешан в этом. Хотя сам Мин ге-эр может не заботиться о своей репутации, он не может игнорировать это.

Поэтому Ли Фэн подавил свою ненависть, но он не мог пощадить Хуана Сигоу, включая и Чжана Ланьхуа. Изгнать его из деревни - это всего лишь легкое наказание. Только покинув деревню Пиншань, он поймет, что его страдания только начались.

В то же время Ли Фэн решил не говорить Мин ге-эру правду об этом деле. Брату Мину не нужно было знать о такой неприятной вещи, поэтому было достаточно обвинить Хуана Сигоу в краже посреди ночи.

К тому времени, когда муж Чжана Ланьхуа вышел из дома старосты, все могли видеть по выражению его лица, что он готов убивать и есть людей. Даже его шаги были окрашены гневом. В ярости он побежал к своему дому.

Люди, видевшие его, недоумевали, что сказал ему староста. Может ли быть, что его ге-эр имеет к этому какое-то отношение? Неужели его ге-эр оказался вовлеченным в интрижку с Хуаном Сигоу?

Когда Тан Чунмин проснулся, Ли Фэн уже сидел рядом с его кроватью и смотрел на него немигающим взглядом. Тан Чунмин выглянул на улицу, чтобы посмотреть, какая там погода. Ему стало неловко, он спал примерно до десяти часов по современному времени.

Потирая голову, он неуверенно спросил:

- А-Жун пошел в школу? О, да, что говорят в деревне о собаке Хуане Сигоу? Он не вытоптал овощные грядки прошлой ночью, не так ли?

- Не волнуйся, - Ли Фэн коснулся руки брата Мина. Он все еще был немного напуган после того, как просидел здесь почти весь день. Если бы не бдительный и умный Цзинфэн, он даже не осмеливался представить, что могло бы случиться с братом Мином. Чем больше он думал об этом, тем больше чувствовал, что не может так просто отпустить Хуана Сигоу, ограничившись изгнанием из деревни.

Видя несколько растерянный вид брата Мина, его сердце смягчилось:

- Я сам отвез А-Жуна в школу. Он хотел остаться с тобой, но я сказал, что ты не обрадуешься. Хуана Сигоу и его семью изгнали из деревни. После этого можно не беспокоиться о том, что кто-то снова проникнет в дом. Однако овощная грядка во дворе была повреждена Цзинфэном. Брат Мин, ты же не винишь Цзинфэна за это?

Утренняя тактика Ли Фэна также была способом убить курицу, чтобы напугать обезьян. Кто еще осмелится думать о воровстве, увидев его методы? Лучше пусть относятся к нему как к злодею и боятся.

Это было сказано намеренно, чтобы подразнить его, верно? Тан Чунмин заметил, что Ли Фэн портится все больше, и сказал:

- Цзинфэн - великий герой. Как я могу винить его в этом? Я не только не виню его, я должен наградить его. Уйди с дороги, я хочу встать.

Когда Ли Фэн увидел, что брат Мин не принял близко к сердцу ночные события, он немного расслабился. Оставив Тан Чунмина одного, чтобы он, не торопясь, одевался, он отправился готовить ему еду. Должно быть, он голоден после долгого сна.

Только после того, как Тан Чунмин набил желудок, у него появились силы осмотреть двор. К счастью, поврежденных овощных грядок было не так много, все это можно было пересадить.

Придерживая живот, Тань Чунмин побежал навстречу Цзинфэну. Он похлопал лошадь по шее и похвалил ее. И, конечно же, Сяо Хуа. Щенок откусил кусок плоти из задницы плохого парня, он также был героем этого инцидента. Тан Чунмин решил в награду давать им несколько дней неразбавленную воду из пространственного источника.

Цзинфэн был очень высокомерен по отношению к другим, но для Тан Чунмина, своего будущего хозяина, он был другим. Каждый раз, когда он приходил, ему хотелось высунуть свою большую голову и посмотреть на него своими большими, чистыми глазами. Это вызывало зависть у детей, которые всегда хотели приблизиться к этому величественному Цзинфэну, но без дяди Фэна они ничего не могли с этим поделать.

Тан Чунмин подозревал, что Цзинфэн учуял пространство, верно? Это было бессмертное пространство, полное духовной энергии, и даже Сяо Хуа и всем остальным нравилась еда из пространства.

Иногда Тан Чунмин намеренно вел себя плохо, желая посмотреть, как отреагирует Цзинфэн. Увидев коня, он намеренно развернулся, сделав вид, что собирается уйти, не накормив его едой из пространства. Но, конечно, у него ничего не получилось - Цзинфэн прикусил зубами его одежду. Однажды Ли Фэн увидел это и отругал Цзинфэна, но почему Тан Чунмин увидел выражение обиды на лошадиной морде?

Тан Чунмин, который чувствовал, что перестарался и был немного виноват, спровадил Ли Фэна и накормил Цзинфэна большим количеством фруктов из пространства.

Он также регулярно обманывал себя, убеждая, что Ли Фэн не может этого видеть. Поэтому он продолжал вести себя так, словно Ли Фэн был невидимкой

Несмотря на то, что встали поздно, чтобы поесть, Тан Чунмин все равно по привычке приготовил обед. Он как раз собирался положить его на стол, когда снаружи донеслись звуки детского плача, похожего на кошачий мяв.

Ли Фэн привел А-Линя, вымыл руки и уже был готов к еде.

- Мама... - сегодня утром А-Линь, как обычно, отчитался перед матерью о своих заслугах, что он сделал для Сяо Юня.

Тан Чунмин похвалил А-Линя, спрашивая Ли Фэна глазами, какой ребенок плачет на улице? Всего минуту назад он также слышал голоса взрослых. Казалось, что они говорят что-то о грехах.

Ли Фэн нахмурился и сказал:

- Вы с А-Линем начинайте есть, а я выйду на улицу и посмотрю, - с этими словами он отнес А-Линя на сторону брата Мина.

- Хорошо, иди и возвращайся скорее, - махнул рукой Тан Чунмин.

Тан Чунмин недавно завтракал и еще не был голоден, поэтому просто подбирал овощи и ел их, в основном для того, чтобы накормить А-Линя. В то же время он наострил уши, прислушиваясь к тому, что происходит снаружи. После того, как Ли Фэн вышел, он, казалось, мог слышать его голос. Кажется, он упоминал что-то о старосте Ли. Прошло несколько минут, прежде чем люди снаружи разошлись, и послышался звук возвращающихся шагов Ли Фэна.

Когда вошел Ли Фэн, Тан Чунмину не было нужды спрашивать. Ли Фэн сказал слегка недовольным тоном:

- Эта семья Хуан действительно... К счастью, на этот раз жители деревни решили их выгнать. Иначе неизвестно, что еще могло произойти.

- Семья Хуан? Может быть, детские крики на улице - это маленький внук семьи Хуан? Разве ты не говорил, что их изгнали из деревни? - удивленно сказал Тан Чунмин.

- Как только староста ушел, они спокойно оставили ребенка на обочине дороги. Проходившие мимо деревенские жители увидели его и привели обратно. В противном случае его могли бы со временем подобрать дикие животные, спускающиеся с гор, - Ли Фэн испытывал отвращение к таким людям. Они могут даже отказаться от собственного внука. Таких людей следует бросать на поле боя, чтобы они увидели бесчеловечные методы северных варваров.

Ли Фэн ничего не сказал. Люди снаружи хотели спросить у Мин ге-эра, что делать с ребенком, но Ли Фэн бросил на них холодный взгляд и спугнул. Какое отношение это имеет к брату Мину? Это брат Мин изгнал семью Хуан из деревни? Это брат Мин сказал семье Хуан выбросить ребенка? Хотя ребенка было жалко, но нужно преследовать настоящих виновников. Вы действительно думаете, что брат Мин настолько добросердечен, что должен вырастить этого ребенка?

У Тан Чунмина от услышанного отвисла челюсть. Он не мог поверить.

- В их семье всего лишь один внук, как они посмели выбросить его? Или же только один из них, Хуан Сигоу, является жизненной силой их семьи, а остальные - просто собачьи хвосты?

Это единственное третье поколение. Как они могли выбросить его? Неужели они думают, что Хуан Сигоу сможет жениться на хорошем ге-эре и родить им внука им по вкусу?

- Нет ничего, что эта семья не могла бы сделать. Иначе они не вырастили бы такого придурка, как Хуан Сигоу, - Ли Фэн сдержал свой гнев и сосредоточился на большом и маленьком ге-эре перед собой. - Давайте есть. Не беспокойтесь о том, что происходит снаружи. После того, как мы поедем, я собираюсь зайти к старосте Ли и спрошу, что делать.

- Ну, увы, этому ребенку придется нелегко, - Тан Чунмин покачал головой и вздохнул.

Это не современный мир, где имеются сиротские приюты. Более вероятно, что такой ребенок будет похищен и продан. Ничем хорошим это не закончится. Не говоря уже о безжалостности семьи Хуан, даже его родной отец, Хуан Сигоу выбросил ребенка.

Когда сердце безжалостно, нет никаких различий между городом и деревней, древностью и современностью.

Тан Чунмин подумал про себя: пусть Ли Фэн отнесет ему немного еды после обеда. В конце концов, виноваты старшие, и это не имеет никакого отношения к ребенку. Конечно, он не мог быть настолько святым, чтобы считать ребенка своей ответственностью.

После обеда, видя отношение брата Мина, Ли Фэн почувствовал облегчение. Хотя ребенок был невиновен, в его сердце все еще оставался гнев. Отец этого ребенка почти разрушил жизнь брата Мина. Он уже закрыл глаза на то, чтобы позволить этому малышу снова войти в деревню Пиншань. Он не хотел, чтобы брат Мин подумал, что он слишком жесток.

После ухода Ли Фэна прибыл Чжан Сю, принесший последние новости из деревни.

Поскольку Чжан Сю сопровождал Тан Чунмина, он не знал о допросе Хуана Сигоу в доме старосты, а Ли Дашань не сообщил ему результат. Он также думал, что Хуан Сигоу просто искал деньги, но этого было достаточно, чтобы вызвать у него негодование. Он аплодировал выселению такой семьи, от этого в деревне станет намного спокойнее.

- Я действительно не ожидал, что семья Хуан будет притворяться милосердной, но никто не может сравниться с ними в безжалостности. В плане жестокости никто не может их победить. Они выбросили ребенка при первой же возможности. Когда малыша отвезли в дом старосты, Шэнь Фулан осмотрел его и не мог в это поверить. Маленький ге-эр был весь в ранах. Когда доктора Ху позвали его посмотреть, он ругался, что был слишком милосерден ночью. Если бы он знал, он должен был причинить больше боли Хуану Сигоу.

- Что-нибудь известно о том, что будут делать с ребенком? - Тан Чунмин понял, что это не самая легкая проблема для решения. Если бы это был мальчик, возможно, нашлись бы люди, которые захотели бы его усыновить. Но ге-эр? Многие семьи в деревне, такие как семья Хуан и семья Чжао, ценили своих сыновей больше, чем ге-эров.

<http://bllate.org/book/13611/1207235>